

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ – ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ (1946-1987 гг.)

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR – PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY (1946-1987)

В.Н. Якунин,

*доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе
ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса»,
г. Тольятти, Россия*

V.N. Yakunin,

*Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-Rector on Research and Science Activity
FSBEI HE "Volga State University of Service", Togliatti, Russia*

В статье исследуется историография проблемы положения и деятельности Русской православной церкви и изменения государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны, анализируется отечественная историческая литература (в том числе диссертационные исследования), опубликованная за период 1946-1987 гг. До конца 80-х гг. XX века большинство материалов архивных фондов как центральных, так и местных архивов по истории церкви советского периода были засекречены. Так как руководство КПСС начиная с середины 50-х гг. XX в. вновь стало призвать к усилению антирелигиозной пропаганды, в таких сложных, противоречивых условиях ни о каком серьёзном исследовании проблемы не могло быть и речи. На этом этапе начался процесс становления историографии, накапливались факты, намечались контуры изучения темы. Только к концу 80-х годов XX в. концепции советских исследователей начали трансформироваться, так как исчезли идеологические установки и были рассекречены документы центральных и местных архивов.

Ключевые слова: *Русская православная церковь, Великая Отечественная война, патриотическая деятельность, государственно-церковные отношения.*

The article examines the historiography of the situation and activities of the Russian Orthodox Church and the changes in state-church relationship during the Great Patriotic War, analyzes domestic historical literature (including dissertation researches) published in 1946-1987. The most of the materials of both central and local archive funds on the church history of the Soviet period were under secret till the end of the 80's XX century. Since the mid 50's XX century the CPSU leadership again began invoking to increase anti-religious propaganda, in such complex, contradictory conditions, there could be no question of any serious study of the problem. At this stage, the process of the formation of historiography started, the facts were accumulated, and the contours of the topic study were outlined. Only by the end of the 80s XX century the concepts of Soviet scholars began to transform because the ideological attitudes disappeared and the documents from the central and local archives were declassified.

Key words: *Russian Orthodox Church, World War II, patriotic activity, state-church relations.*

Проблемы истории Русской православной церкви (РПЦ) в годы Великой Отечественной войны привлекают пристальное внимание исследователей, так как это время стало поворотным для истории Церкви. До конца 80-х гг. XX века большинство материалов архивных фондов как центральных, так и местных архивов по истории церкви советского периода были засекречены, поэтому, когда их рассекретили, десятки, а сейчас уже и сотни исследователей занялись изучением истории РПЦ послереволюционного периода. Так как руководство КПСС начиная с середины 50-х гг. XX в. вновь стало призвать к усилению антирелигиозной пропаганды, в таких сложных, противоречивых условиях ни о каком серьёзном исследовании проблемы не могло быть и речи.

Из первых исследователей государственно-церковных отношений отметим книги Г.Г.

Карпова, первого председателя Совета по делам Русской православной церкви, и сменившего его председателя Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР В. А. Куроедова, руководившего этим ведомством до 1984 г. Вполне понятно, что и Г.Г. Карпов, и В.А. Куроедов в силу своих должностных полномочий были наиболее информированными людьми по проблеме и имели доступ к самым секретным документам.

Книга Г. Г. Карпова «О Русской православной церкви в Советском Союзе» была издана в 1946 году сразу на нескольких языках народов Европы: русском, венгерском, чешском, сербском, румынском, болгарском, то есть на языках стран, вошедших в сферу влияния Советского Союза. Это обстоятельство повлияло и на содержание книги, предназначенной в основном для зарубежного читателя. Автор утверждает тезис о свободе религии в СССР. Г.Г. Карпов преувеличивает количество официально зарегистрированных православных приходов, называя цифру в 20000 храмов, тогда как их на 1 января 1946 года насчитывалось 10547. Возникает предположение, что Карпов включил сюда и нелегально действующие приходы, возникавшие из-за нехватки церквей. Однако их точное количество не знали ни светские, ни церковные власти. Вероятнее всего, что Г.Г. Карпов намеренно приукрасил положение Русской Православной Церкви в Советском Союзе, чтобы получить благоприятную оценку в глазах мирового общественного мнения и, главное, стран, вошедших в сферу интересов СССР, чьи симпатии надо было ещё завоевать, ведь позиции Церкви там были весьма сильны. Автор являлся непосредственным участником процесса улучшения государственно-церковных отношений и владел полной информацией по проблемам религии и Церкви в СССР. В работе Г.Г. Карпова даётся высокая оценка патриотической деятельности Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны [1].

В работе В.А. Куроедова «Религия и церковь в Советском государстве» охарактеризована патриотическая деятельность православного духовенства и верующих, даётся высокая оценка этой деятельности советским правительством, отмечается важность встречи руководства СССР с иерархами Церкви в 1943 году [2].

Патриотическую деятельность Русской Православной Церкви в 1941-1945 гг. советские исследователи объясняли следующими причинами:

1) политической переориентацией Русской Православной Церкви, приспособлением. Что касается приспособления, то оно касалось не новых исторических условий, а конкретной политической обстановки и относилось как к Русской Православной Церкви, так и к Советскому государству, вынужденному под влиянием ряда обстоятельств изменить своё отношение к религиозным организациям. Патриотизм же был не приспособлением, а позицией Русской Православной Церкви на всём протяжении её 1000-летнего существования. Вообще тема приспособленчества Церкви была любима исследователями тех лет. Они не могли понять, почему Церковь, согласно тогдашней идеологии, – отживший социальный институт, продолжает оставаться авторитетом для многих миллионов наших соотечественников. Оставалось одно объяснение: Церковь постоянно приспосабливается к меняющейся ситуации, чтобы удержать верующих.

2) Социологические исследования показывают, что во время войн и социальных катастроф тяга людей к религии объективно возрастает. Из-за обращения к вере многих наших соотечественников, стремясь сплотить нацию вне зависимости от религиозных убеждений, советское руководство прекратило антирелигиозную пропаганду, пошло навстречу верующим. Среди населения авторитет Церкви был высок и в предвоенные годы – об этом свидетельствуют данные переписи населения 1937 г., согласно которым более половины населения СССР признали себя верующими, несмотря на опасность гонений на них, на официальную идеологию и пропаганду.

3) Высокая гражданская позиция верующих проявлялась во все времена, и верующие люди никогда не разделяли понятия гражданского и религиозного долга, ведь Церковь на всём протяжении своей двухтысячелетней истории призывала к защите Отечества.

Э.И. Лисавцев повышение религиозности населения в военное время объясняет

большими возможностями, предоставляемыми для выражения трагических настроений Православной Церковью, так как в её догматике и культуре страданиям уделено большое место [3, с. 249-250]. Страдания людей, утверждает Н.С. Гордиенко, Русская Православная Церковь использовала в своих интересах, так как горе, беда всегда были стимуляторами религиозности, создающими Церкви дополнительные возможности для активизации её деятельности [4, с. 64-66].

А.А. Шишкин останавливается на проблеме преодоления обновленческого раскола в РПЦ [5, с. 369-370; 6]. Феномен обновленчества состоял в том, что это было не столько церковное, сколько политическое движение, укрепившееся при активном участии советской власти. Искусственно поддерживаемые властями, обновленцы с утратой этой поддержки потеряли всякое влияние и к концу войны почти все присоединились к Православной Церкви.

Н.С. Гордиенко, считает обновленцев некими «новаторами», без которых нельзя было ни осмыслить новое состояние Русской Православной Церкви, ни разъяснить его рядовым верующим [5, с. 84]. Что касается «новаторства» обновленцев, о котором писали советские религиоведы, то оно заключалось в разрешении неограниченного числа браков духовенству и признании женатого епископата (что по православным канонам недопустимо) да в переходе на новый стиль. Выступив на первых порах за демократизацию церковной жизни, обновленческие лидеры к началу войны скатились к авторитарным методам руководства. Каких-то глубоких богословских работ, а тем более богословского творчества по актуальным проблемам церковной жизни обновленцы после себя не оставили.

До конца 80-х гг. были опубликованы работы, посвящённые вопросам атеистического воспитания, проводимого под руководством КПСС, в которых затрагивались и вопросы, касающиеся положения Русской Православной Церкви в стране, но лишь немногие из них обращались к анализу её деятельности периода Великой Отечественной войны [8; 9; 10; 11; 12].

Александр Шамаро признаёт, что в истории минувшей войны множество фактов свидетельствуют о том, что в борьбе с фашизмом, в сражениях с гитлеровскими полчищами участвовали приверженцы всех христианских (и не только христианских) вероисповеданий, в том числе немало служителей культа [13, с. 47-50].

Светлана Кайдаш исследовала в своей работе подвижническую и антифашистскую деятельность монахини Марии (Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой). Мать Мария приняла монашеский постриг уже за границей. За помощь военнопленным и евреям нацистские власти её арестовали и заточили в концлагерь. 31 марта 1945 г. она пошла на смерть в газовую камеру, заменив собой другую узницу [14, с. 45-46].

Проблеме коллаборационизма православного духовенства посвятили несколько страниц А.В. Павлов и К.А. Паюсов, упомянув о патриотизме верующих в нескольких строках [15; 16].

З.В. Балевиц полагает, что послевоенное устройство Русской Православной Церкви в Прибалтике нацисты не связывали с Московской Патриархией. Реорганизацию церковного управления в сторону жёсткой централизации, проведённую митрополитом Сергием (Воскресенским), автор объясняет приспособленчеством экзарха к гитлеровскому «новому порядку» и началом его собственной патриаршей деятельности [17]. Однако эти реформы опередили аналогичные мероприятия Московской Патриархии и были объяснимы в условиях военного времени.

И. Михалев безосновательно утверждал, что митрополит Сергей (Воскресенский) по инициативе фашистов был провозглашён главой Русской Православной Церкви на оккупированных территориях [18, с. 29-30]. Во-первых, нацистские власти не допускали создания единой Церкви, так как она со временем неизбежно стала бы мощным консолидирующим фактором. Они всячески поощряли церковный сепаратизм и создание независимых от Московской Патриархии церковных центров. Во-вторых, митрополит Сергей (Воскресенский) был назначен экзархом Прибалтики по решению патриаршего

местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) ещё в начале 1941 г.

Необходимо учитывать то обстоятельство, что в условиях военного времени многие священнослужители были вынуждены сосуществовать с оккупантами, оставаясь при этом верны Московской Патриархии. Православные Церкви в Прибалтике и Белоруссии, несмотря на давление оккупационных властей, не отделились от Русской Православной Церкви, а те её пастыри и иерархи, что вынуждены были сосуществовать с оккупантами, поддерживали связь с партизанами, помогали им медикаментами, получали от них различные указания и советы, как вести работу против захватчиков [19, с. 96]. Сотни священнослужителей сражались в отрядах партизан и в действующей армии, собственным примером призывая своих прихожан к защите Родины. Десятки из них были удостоены правительственных наград. Бесспорно, немецкие оккупанты и их союзники стремились в политических и идеологических целях использовать духовенство на оккупированных территориях. Однако и само духовенство, и иерархи Церкви в большинстве своём старались облегчить страдания и горе народа, с честью выполняя свой пастырский долг.

Нельзя согласиться с однозначно негативной оценкой Э.И. Лисавцевым деятельности Псковской православной миссии, что ей будто бы покровительствовало гестапо и командование группы немецких армий «Север». В действительности же фашистские власти не препятствовали миссионерам в их деятельности, только и всего [3, с. 249-250].

Советские исследователи были необъективны в силу ряда причин, а самое главное, до конца 90-х гг. XX в. были недоступны архивные фонды. Ну и идеологическая составляющая также играла свою роль. Зарубежные и церковные историки были более независимы в своих суждениях и оценках, но также не имели возможности работы в советских архивах.

Епископ Сергей (Ларин) проанализировал политику захватчиков по отношению к религии и Церкви на оккупированных территориях Украины, в том числе более подробно в Одесской области. В его работе приводится большое количество материалов, раскрывающих моральный облик румынских миссионеров, их приёмы и методы работы в храмах и вне церковной ограды, дискриминацию ими русских православных священнослужителей. Епископом Сергием отмечено сопротивление народа насильственной румынизации. Неприглядную роль в этом он отводит Румынской православной церкви. Автор считает, что полная зависимость последней от госаппарата, находившегося тогда в руках Антонеску и его сторонников, обусловила формы и методы деятельности румынских миссионеров на советской земле. Одной из своих главных задач, полагает епископ Сергей, Гитлер видел в разобщении народов СССР по религиозному признаку, в возбуждении одних против других [20].

Результатом изменения государственно-церковных отношений было укрепление позиций Московской Патриархии, преодоление расколов, болезненно отражающихся на внутреннем положении Русской Православной Церкви. Русские эмигрантские историки уделяли внимание в своих работах внутренним нестроениям в Русской Православной Церкви, приводя интересные факты о деятелях и деятельности обновленчества, о закате этого движения, пришедшегося на военные годы [21]. А.А. Боголепов полагает, что, преодолев раскол живоцерковников и обновленцев, позднейшие руководители патриаршей Церкви не могли найти иного выхода для сохранения её, как, переступив через переходные формулировки патриарха Сергия, принять в основе социально-политические воззрения «живой церкви». Эти воззрения затем были утончённо сформулированы, и им придана некоторая видимость церковности» [22, с. 79]. Л. Регельсон считает, что истина была на стороне «непоминающих» за богослужением в храмах гражданские власти и патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия [23].

Укрепление положения Московской Патриархии выразилось и в создании нормативных документов, регулирующих внутреннюю жизнь Церкви. Известный знаток церковного права А.А. Боголепов предпринял попытку исследования структуры Церкви по принятому на Поместном Соборе 1945 г. «Положению об управлении Русской Православной Церковью». В процессе сравнения статей Положения 1945 г. и Постановления Поместного

Собора 1917-1918 гг. он делает вывод о большей демократичности последнего. Автор считает принятие Положения 1945 г. последним этапом нового устройства Русской Православной Церкви после Декларации митрополита Сергия (Страгородского) 1927 г., проходившим через гонения, перемены в религиозной политике советского правительства, восстановление патриаршества [22].

Нельзя согласиться с мнением Струве о положении Церкви на оккупированной территории и об отношении фашистских оккупационных властей к религии. Так, он утверждает, что религиозная свобода была одной из немногих, если не единственной свободой, предоставленной оккупационными властями, и что эти власти со своей стороны давали необходимые для организации церковной жизни разрешения [24, с. 50]. На самом деле фашисты грубо вмешивались во внутрицерковные дела, всячески содействовали расколу единой Церкви и созданию легко контролируемых церковных группировок, пытались влиять на назначения высших духовных лиц, а в случае нелояльности таковых режиму от них избавлялись.

Джеральд Басс полагает, что в основе проводимых фашистами мероприятий по отношению к религии, возможно, лежала идея использовать покорённых славян в борьбе против большевиков. Нацисты понимали, что обеспечить поддержку местного населения они смогут при условии свободы отправления религиозных обрядов [25, с. 29-36].

В.И. Алексеев и Ф.Г. Ставру справедливо утверждали, что впечатление о благоприятном отношении гитлеровской администрации к религиозному подъему на оккупированной территории СССР ложно. И Сталин, и Гитлер во время войны были вынуждены считаться с настроением народа, поэтому они попытались сделать Церковь своей союзницей в пропагандной борьбе друг против друга. Последнее обстоятельство и дало Русской Православной Церкви возможность снова укрепиться и упрочить своё положение [26].

Д. В. Поспеловский и В. И. Алексеев считают, что, оставшись на оккупированной территории, экзарх Прибалтики митрополит Сергей ставил своей целью подготовить почву митрополиту Сергию (Страгородскому) и Московскому церковному управлению на случай, если немцы победят или, по крайней мере, захватят Москву, чтобы сохранить эту администрацию и епископат, а также предотвратить юрисдикционный хаос [27].

Протоиерей Кирилл Фотиев в своём труде рассматривает стремление некоторых религиозных деятелей Украины к церковной автокефалии в XX веке, уделяя место периоду второй мировой войны. Вмешательство Варшавского митрополита Дионисия в церковные дела на Украине (митрополит Дионисий фактически санкционировал создание автокефальной церкви) автор объясняет его попытками через автокефальную церковь обеспечить себе влияние на церковные дела в оккупированной России. Через митрополита Алексия (Громадского), возглавлявшего епископат автономной церкви, он этого сделать не мог. Немецкие оккупационные власти не допускали распространения влияния митрополита Дионисия на восток. Оставался епископ Поликарп, которого митрополит Дионисий и использовал. Такой же точки зрения придерживается и А. Свитич [28; 29].

Что касается процесса возрождения религиозной жизни на Украине, то было бы неверно отождествлять его с украинским национализмом, как пытается Д. Басс. Лишь на Западной Украине греко-католическая церковь поддержала националистов и благословила создание национальной дивизии СС "Галичина". Отчасти это относилось и к автокефальной церкви Поликарпа Сикорского. Однако у большинства православных верующих и священнослужителей, как писали в своих донесениях нацисты, не было даже мысли о создании независимого Украинского государства [25].

Итак, к концу 80-х годов XX в. концепции советских исследователей начали трансформироваться. На этом этапе начался процесс становления историографии, накапливались факты, намечались контуры изучения темы.

Литература:

1. Карпов Г. Г. О Русской православной церкви в Советском Союзе. М., 1946.
2. Куроедов В. А. Религия и церковь в Советском государстве. М., 1984.
3. Лисавцев Э. И. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. М., 1975.
4. Гордиенко Н. С. Современное русское православие. Л., 1987.
5. Шишкин А. А. «Обновленческий» раскол русской православной церкви. Диссертация на соискание учёной степени доктора философских наук. Казань, 1972.
6. Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка обновленческого раскола Русской православной церкви. Казань, 1970.
7. Гордиенко Н. С. Современное русское православие. Л., 1987.
8. Вещиков А. Т. Атеистическое движение в СССР. М., 1972.
9. Вещиков А. Т. Путь к атеизму. М., 1965.
10. Воронцов Г. М. Массовый атеизм: становление и развитие. Л., 1987;
11. Коновалов Б. Н. Развитие массового атеизма в СССР. М., 1973.
12. Тепляков М. К. Проблемы атеистического воспитания и преодоления религии в практической деятельности воронежской организации КПСС. Воронеж, 1972.
13. Шамаро Александр. Утрени уже не было // Наука и религия. 1986. № 6. С. 47-50.
14. Кайдаш Светлана. Мать Мария // Наука и религия. 1986. № 6. С. 45-46.
15. Павлов А. В. Война. Религия. Армия. М., 1986.
16. Паюсов К. А. Разум против религии. М., 1986. С. 21-22.
17. Балевиц З. Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941-1944). Рига, 1967.
18. Михалев И. Церковь в прошлом и теперь. Казань, 1962.
19. Граховский С. Сеятель добра и гнева. М., 1975.
20. Ларин Сергей, епископ. Православие и гитлеризм. Одесса, 1947. Машинопись.
21. Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. Швейцария, Институт «Вера во втором мире», 1977.
22. Боголепов А. А. Церковь под властью коммунизма. Мюнхен, 1958.
23. Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917-1945. Париж, 1977. (Репринт – М., 1996.)
24. Struve N. Les chretiens es URSS. Editions du seul. Paris, 1963.
25. Buss, Gerald. The bear's hug : Religious belief a. the Soviet state / Gerald Buss ; Forew. by Tim Renton. - London etc. : Hodder a. Stoughton, Cop. 1987. - 223 с.
26. Алексеев В. И., Ставру Ф. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское возрождение. Нью-Йорк – Москва – Париж. 1980. №№ 11, 12; 1981. №№ 13, 14, 15, 16; 1982. №№ 17, 18.
27. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.
28. Свитич А. Православная Церковь в Польше и её автокефалия. Буэнос-Айрес, 1959.
29. Православная церковь на Украине и в Польше в XX столетии, 1917-1950 гг. : Сборник. М. : Крутиц. патриаршее подворье, 1997. – 298 с.